УДК 94(4)«653»:930.1

А. Г. Глебов

Континуитет и дисконтинуитет в англо-американской историографии Нормандского завоевания второй половины XX в.

Для изучения истории любой страны необходимы две важные составляющие: широкий круг источников и сложившаяся историографическая традиция. Без знания последней историку крайне трудно разобраться в сущности и специфике тех процессов, которые происходили в том или ином историческом сообществе. И чем удаленней от нас эпоха, тем больший разброс мнений и концепций мы можем встретить в исследованиях специалистов.

История раннесредневековой Европы и в частности англосаксонской Британии не является здесь исключением. К настоящему времени сформировался огромный массив и отечественной, и зарубежной научной литературы, посвященной различным ее аспектам. Однако круг основных вопросов, которые пытались и пытаются разрешить специалисты по англосаксонской Англии, остается фактически неизменным.

Причина столь продолжительных споров заключается помимо всего прочего в том, что исследователи вынуждены работать с достаточно ограниченным кругом источников, зачастую не позволяющим приходить к однозначным выводам по тем или иным проблемам англосаксонской истории. Различные гипотезы и концепции иногда могут прямо противоречить друг другу, и задача состоит в том, чтобы в этой противоречивости разобраться.

Англо-американская медиевистика занимает ведущее место в зарубежной историографии средневековой истории Западной Европы. Тем более справедливо сказанное в отношении раннесредневековой истории Англии, поиски истоков и эволюции которой, вполне естественно, представляют собой один

из главных предметов специальных исследований англо-американских ученых. Необходимо оговориться, что в данной статье термин «англо-американский» употребляется для обозначения системного единства, которое, на наш взгляд, представляет собой историографическое пространство Великобритании и США. При всей сложности, противоречивости и многоплановости процессов осмысления прошлого Британских островов, сложившихся в английской и американской исторической литературе, начиная с середины XIX столетия можно говорить о формировании достаточно цельной как по своим принципиальным подходам, так и по конкретным наблюдениям и выводам англо-американской историографии. Применительно к истории раннесредневековой Англии это единство особенно сильно и обычно определяется самими учеными, изучающими этот этап английской истории, как «англосаксонизм» (Anglo-Saxonism), под которым подразумевается не столько сходство исторических судеб «атлантической цивилизации», сколько общность, можно сказать, нераздельность ученого сообщества английских и американских специалистов, осмысляющих английскую историю V–XI вв.[1]

Рамки статьи, разумеется, не позволяют осветить все аспекты раннесредневековой истории Англии, становившиеся предметом изучения в англо-американской медиевистике второй половины XX столетия. Поэтому главное внимание уделено одной из них, которая, на наш взгляд, отличается большой дискуссионностью с одной стороны и имеет первостепенное значение для понимания политических и институциональных особенностей развития английского общества на рубеже раннего и зрелого средневековья с другой. Речь идет об оценке Нормандского завоевания, которое этот рубеж отчетливо маркирует, в частности об элементах преемственности и разрыва между поздним англосаксонским и ранним англо-нормандским обществами.

Фактически начало спорам о континуитете и дисконтинуитете в истории англосаксонской и англо-нормандской Англии положил известный английский историк Э. Фримен, еще во второй половине XIX в. противопоставив процветающее и перспективное англосаксонское общество нормандским агрессорам, которые очень многое позаимствовали у англосаксов[2]. А вот о разрыве между двумя эпохами впервые заговорил Дж. Х. Раунд, пришедший к выводу, что английский феодализм, в основе которого лежала военная обязанность, был творением нормандцев. Главное, на чем он настаивал, — это тезис о коренных отличиях между служилой англосаксонской и англо-нормандской знатью, т.е. между нормандским рыцарем и англосаксонским тэном. Точнее, речь шла о различном характере их военной службы. Если в основе службы тэна лежали отношения личного характера между ним и его господином, то нормандский

[1] Подробнее см.: Anglo-Saxonism and the Construction of Social Identity. Gainesville (Fla), 1997.

[2] *Freeman E. A.* The History of the Norman conquest of England, its Causes and its Results. Oxford, 1867–1876. Vol. I–VI.

герцог заключал договор со своими баронами, по которому те в обмен на земельное пожалование были обязаны выставлять определенное число рыцарей[3]. Точку зрения Дж. Х. Раунда в целом разделял Ф. Стентон, считая, что нормандцы принесли целый ряд значимых перемен в экономику, политику и социальную сферу англосаксонского общества[4].

Однако начиная с 70-х гг. XX столетия в историографии начинает господствовать более взвешенный взгляд на взаимопроникновение двух культур, просматривается попытка воздержаться от категоричных заявлений. Наряду с вопросом о трансформациях в аграрной и социальной сферах английского общества в результате завоевания 1066 г. всё чаще поднимается проблема институциональных изменений, коснувшихся нового государства. Здесь мы также не найдем единства мнений среди англо-американских исследователей. Споры ведутся по различным аспектам, начиная от степени сохранности англосаксонской правовой системы в англо-нормандском королевстве до характера изменений в деятельности королевского двора и местных органов власти. Однако в одном исследователи, несомненно, сходятся: когда говорят о высокой эффективности управленческих структур как у англосаксов, так и в Нормандском герцогстве. При этом англосаксонскому наследию нередко отводится первое место. Как писал Г. Р. Лойн, с Нормандским завоеванием многие государственные институты англосаксов не только не прекратили свое существование, но и получили свое дальнейшее развитие. Преемственность наблюдается в функционировании системы налогообложения, особенностях монетного производства и торговли, деятельности королевского двора с его кругом должностных лиц и органов местной власти. В последнем случае особо следует подчеркнуть то значение, которое придавалось институту шерифов при королях англо-нормандской династии[5]. Объединение англосаксонской и нормандской систем управления привело к тому, что в Англии в XI–XII вв. возникло, пожалуй, наиболее централизованное государство в Западной Европе.

В своей монографии «Англосаксонская Англия и Нормандское завоевание» Г. Р. Лойн писал: «...Не может быть сомнений относительно общего значения прихода нормандцев. Они отличались во многих жизненных отношениях от более ранних завоевателей англосаксонской Англии, но два основных отличия заключались в том, что их успех нашел свое завершение и что у них было больше того, что можно было предложить. Датчанин являлся варваром, который явился из земель, лежащих по ту сторону плодородных территорий. Он являлся язычником на протяжении большей части своего пребывания; завоеванные были христианами. Он был великим моряком и немного торговцем; завоеванные были прежде всего земледельцами. Но датчанин тоже привык

[3] *Round J. H.* Feudal England. London, 1895.

[4] *Stenton F. M.* Anglo-Saxon England. 3d ed. Oxford, 1971.

[5] *Loyn H. R.* The Governance of Anglo-Saxon England, 500–1087. London, 1984. P. 169–171.

к земле и быстро поселился там, где распаханная земля была в наличии... Однако ничто из этого не было правдой для нормандца. Он был христианином и его предводитель, герцог Вильгельм, тоже убежденным христианином. Великое оружие ассимиляции, дар высшей всеобщей веры, не было в наличии у англосаксов в их взаимоотношениях с нормандцами, как оно было во взаимоотношениях с датчанами... Нормандцы абсолютно не ощущали чувства родства с саксами, которых они завоевали... Ассимилированы они были со временем, но этот процесс завершился лишь в эпоху королей Эдуардов из династии Плантагенетов. Гауэр еще в XIV в. сталкивался с незавидной задачей выбора между французским и английским для своих поэтических творений»[6].

Мы позволили себе столь пространную цитату с незначительными купюрами по той причине, что здесь наиболее ярко представлен сравнительный анализ двух важнейших завоеваний англосаксонской Британии. Г. Р. Лойн справедливо отмечал, что нормандцы ускорили процесс формирования феодальной земельной собственности на землю, хотя и не совершили при этом никакой революции. Несомненно, возвысился статус короля над другими лордами, хотя еще больше укрепился институт личных связей. Англосаксонский фирд был замещен профессионально обученной рыцарской кавалерией, но многие основы англосаксонской армии были всё же сохранены. При всех инновациях многие базисные институты англосаксонской Англии остались практически неприкосновенны[7].

Обстоятельно проблема континуитета/дисконтинуитета была проанализирована известным английским специалистом по эпохе викингов П. Сойером. В своей работе «От Римской Британии к Нормандской Англии» он писал, что «нормандцы чрезвычайно усилили связи Англии с континентом, поскольку они сохранили свои интересы в самой Нормандии, хотя многие нашли огромные возможности в Англии. Кроме того, сам Вильгельм Завоеватель рассматривал Англию и Нормандию как неразделенное наследство». Его бароны, получив земли в Англии, сохранили и свои поместья в Нормандии[8].

Большим достижением англосаксов П. Сойер считает то обстоятельство, что Вильгельм сохранил их систему управления государством, структуру графств и сотен. Единственными, причем не совсем существенными изменениями, была стандартизация веса фунта и пенни, возобновление военного налога (heregeld) и некоторые судебные инновации[9]. Во всем этом П. Сойер видит несомненно положительный результат завоевания.

Во многом ему вторит Д. Уайтлок. Несомненными достижениями англосаксов для нее являются судебная система, система государственного управления,

[6] *Loyn H. R.* Anglo-Saxon England and the Norman Conquest. London, 1970. P. 315.

[7] Ibid. P. 316.

[8] *Sawyer P. H.* From Roman Britain to Norman England. London, 1978. P. 251–252.

[9] Ibid. P. 254.

военно-морские силы, литературное наследие. Но завоевание дало импульс новому витку развития и способствовало становлению более сильной центральной власти[10].

В отличие от Д. Уайтлок и П. Сойера, Ф. Барлоу не рассматривает новое англо-нормандское государство в качестве правопреемника единого англосаксонского королевства. Само завоевание, с его точки зрения, изменило сущность англосаксонского общества, стало для него своего рода «прогрессивной революцией». Он это объясняет тем, что нормандцы были хорошо знакомы с более продвинутой франкской системой государственной власти, включая устройство королевского двора. Завоевание принесло с собой новый вариант феодализма, поскольку с перераспределением земель возникли фьефы, полностью контролировавшиеся королем. И хотя в некоторых сферах — судебной, монетной, отчасти в институциональной, англосаксонское наследие не было забыто даже в XII в., оно вряд ли играло существенную роль в истории постсаксонского английского государства[11].

Говоря о культуре и религии, сторонники теории преемственности часто ссылаются на тесные континентальные связи поздней англосаксонской церкви. Они также утверждают, что сообщения клириков о притеснениях церкви, последовавших за завоеванием, являются преувеличением. Это подчеркивается в работах С. Ридьярда, Дж. Рубенстейн и М. Оттер.

С. Ридьярд, споря с Ф. Стентоном, отмечает, что только поначалу завоеватели испытывали некоторую неприязнь к англосаксонским служителям культа. Затем же авторитет епископов и аббатов из англосаксов для них стал непререкаем[12].

Дж. Рубенстейн подходит к этой проблеме по-другому, пытаясь выяснить, как же сами нормандцы осмысляли свое присутствие в Англии, пытались ли они влиться в ее культуру. Для этого она подробно останавливается на дискуссии между англосаксом Эадмером и нормандцем Ланфранком, первый из которых представлял «англосаксонское прошлое», а второй «нормандское будущее». Нормандский архиепископ хотел, чтобы религиозные чувства и рвение членов кентерберийской общины обращались не к англосаксонским святым, а к Христу. Эадмер же это воспринял как вмешательство иноземных клириков в традиции и обычаи англосаксонской церкви. Но в то же время, отмечает автор, Эадмер не просто критиковал Ланфранка, а предложил альтернативную реформу церкви, стремясь вернуть ей «золотой век». Усилия Эадмера не были бесплодными. Пытаясь воздать должное славному прошлому, он формировал историческое сознание членов общины, в котором прочно укоренилась мысль об англосаксонском мире[13].

[10] *Whitelock D.* The Anglo-Saxon Achievement // The Norman Conquest: Its Setting and Impact / Ed. by C. T. Chavalier. London, 1966. P. 13–43.

[11] *Barlow F.* The Norman Conquest and Beyond. London, 1983. P. 131–140.

[12] *Ridyard S.* Condigna Veneratio: Post-conquest Attitudes to the Saints of the Anglo-Saxons // Anglo-Norman Studies. Cambridge, 1987. Vol. 9. P. 179–206.

[13] *Rubenstein J.* Liturgy against History: the Competing Visions of Lanfrank and Eadmer of Canterbury // Speculum. 1999. Vol. 74. N 2. P. 279–309.

Что же касается статьи М. Оттер, то она отмечает, что ранние источники хранят молчание о событиях 1066 г. Видимо, тогда еще не было ясно, сколь долгим будет господство нормандской династии. Это объясняется тем, что с одной стороны современники просто не поняли всей остроты произошедших событий, а с другой еще были слишком велики ужас и боль от них. Для наглядного примера автор анализирует «Житие Вульфстана» Уильяма Мэлмсберийского и его же «Жизнеописание короля Эдуарда». В первом из них Вульфстан предстает перед нами стойким последователем англосаксонской церковной традиции, как проповедник мира и объединения. А вот в другом произведении в лице короля перед нами предстает человек, которому во сне явились два пророчества о скором конце англосаксонского мира. Итак, если первое произведение еще наделено признаками оптимизма, то во втором от него не осталось и следа. «Жизнеописание», однако, не лишено собственного пафоса. Катастрофы избежать нельзя и конца горестям не будет, но история всё же продолжается, и, несмотря на, казалось бы, полное крушение, гарантом продолжения истории выступает святой король, которому суждено проснуться в будущем и которого никто не увидит[14].

Особое место в изучении проблем преемственности или дисконтинуитета в Нормандском завоевании занимают процессы, происходившие на социально-демографическом уровне и на уровне элит. Следует заметить, что для англо-американской медиевистики это достаточно новая и слабо проработанная тема. Тем не менее, уже Э. Фримен во второй половине XIX столетия рискнул назвать англосаксов на момент пришествия Вильгельма Завоевателя «нацией» в полном смысле этого слова. По его мнению, англосаксы ощущали себя единым народом, что выразилось, однако, не в политической сфере, а скорее в области самосознания, показателем чего стало составление «Англосаксонской хроники». У англосаксов в это время происходило соперничество крупных областей-широв, которые существенно отличались друг от друга[15]. Однако о том, что же произошло с англосаксами после завоевания с этнической точки зрения, Э. Фримен фактически умалчивает.

Послевоенные и современные англоязычные исследователи приложили все усилия, чтобы развить начатую Э. Фрименом тему и перенести ее в нормандское время. Д. Уайтлок придерживалась мысли о том, что главным изменением англосаксонского общества с приходом нормандцев становится появление новой аристократии нормандского происхождения, заменившей собой англосаксонскую элиту. Поскольку нормандские рыцари держали землю на правах военной службы, это привело к сокращению количества женщин-землевладельцев. Также произошли изменения в среде высшего англосаксонского клира, который всё в большей степени становился нормандским по своему составу.

[14] *Otter M.* 1066: the Moment of Transition in Two Narratives of the Norman Conquest // Speculum. 1999. Vol. 74. N 3. P. 565–586.

[15] *Freeman E. A.* Op. cit. Vol. 2. P. 126 ff.

Одновременно это поспособствовало более быстрому приобщению английской церкви к континентальной церковной практике[16].

Отдельное внимание исследовательница уделила проблеме трансформации в языковой сфере, отметив, что уже к концу XI в. древнеанглийский язык в значительной степени был вытеснен северофранцузским. Однако при этом Д. Уайтлок не изменила своей точке зрения о том, что англосаксонский базис, несмотря на значительное влияние извне, сохранил свою самостоятельность в новом королевстве[17].

Уже не раз упоминавшийся П. Сойер прежде всего коснулся вопроса о смене землевладельческого слоя населения, отметив, что нормандские бароны приобрели значительные земельные дарения в Англии, а любые попытки знатных англосаксов отстаивать свои законные права оборачивались лишением их поместий и постоянным натиском на еще не занятые англосаксонские земли.

П. Сойер спорит с утверждением о том, что Вильгельм изначально собирался править как английский король, используя англосаксов в качестве своих агентов и не желая отстранять их от управления страной за исключением тех, кто сражался при Гастингсе. Однако на практике всё оказалось совершенно иначе, учитывая, что его последователи рассчитывали на вознаграждение. При этом число иноземцев, которые были наделены землей при Вильгельме, составляло лишь 2 тыс. чел. при общем числе иммигрантов не более 10 тыс. Англосаксонское же население в то время составляло более 1 000 000 человек. Передел земельной собственности начал прослеживаться с 1086 г., т.е. с момента создания «Книги Страшного суда». Тогда в руках англосаксов, служащих королю, находилось лишь 20 % всей земли, а у 20 его нормандских баронов — более половины всех земельных владений[18].

В наибольшей степени изменения коснулись этнического состава королевских служащих. В основном они были нормандского происхождения. И только на местах англосаксонская знать сохранила свои позиции преимущественно в качестве шерифов[19].

Автор особо выделяет языковые инновации. Французский становится официальным языком, на нем говорит знать, хотя большинство англосаксов его не знают. Происходят изменения и в системе личных имен, ранее неизвестных в Англии. Появляются такие имена, как Вильгельм, Роберт, Ральф, Хьюго и др[20].

Наряду с этим меняется архитектурный стиль англосаксонских городов и местечек. Нормандцы перестраивают большинство церквей, превращая их

[16] *Whitelock D.* Op. cit. P. 42–43.

[17] Ibid. P. 43.

[18] *Sawyer P.H.* Op. cit. P. 253–258.

[19] Ibid. P. 254.

[20] Ibid. P. 256.

в грандиозные монументальные сооружения[21]. В этом П. Сойер видит положительную черту, свидетельствующую о синтезе двух культур.

Вообще концепция П. Сойера, не отличаясь особой оригинальностью, подкупает своей логической проработкой и детализацией анализа.

Еще более подробно на судьбе англосаксонской знати после Нормандского завоевания останавливается Г. Р. Лойн. Он пишет о том, что многие знатные англосаксы предпочли покинуть свою страну. Некоторые оказались в Шотландии, другие отправились служить при скандинавских дворах, а часть оказалась даже в Италии и Византии. Далеко не все решили добровольно служить завоевателям, при этом лишившись своего статуса и материального положения. Те же, кто оказался среди них, заняли далеко не лучшую нишу в англо-нормандском обществе[22].

Относительно свежая монография Э. Уильямс «Англосаксы и Нормандское завоевание» затрагивает прежде всего проблему передела земельной собственности. С ее точки зрения, только к 1068 г. англосаксы осознали всю тяжесть своего положения. Это привело к целой череде восстаний, закончившихся полной неудачей, следствием чего стало постепенное вытеснение англосаксов из рядов политической элиты. Если бы англосаксы не оказали сопротивления, Вильгельму, возможно, не пришлось проводить столь жесткую чистку в их рядах. В этом, по мнению автора, заключается специфический характер Нормандского завоевания. Будь англосаксонские магнаты полояльней, произошла бы постепенная ассимиляция нормандцев и англосаксов, хотя бы на уровне высшей знати[23].

Представляется, что эта позиция страдает некоторой модернизацией, поскольку не учитывает уже сформировавшегося к этому времени чувства этнической консолидации англосаксов[24], вопреки своей воле оказавшихся под чужеземным господством.

Однако со следующей цитатой автора вполне можно согласиться. Она пишет: «Англосаксы были лишены богатства и социального положения, и выжили при помощи того, что отдали себя во власть пришедшим с континента магнатам, выполняя для них обязанности министериалов и получив от них землю в пользование на постыдных условиях»[25].

Унижение, которому подверглись англосаксонские эрлы и тэны, превратилось в беспрецедентную социальную катастрофу, которая подробно проанализирована в работе Р. Флеминг. Она писала, что когда покоренные отдают себя победителям, им приходится принимать обычаи и традиции чужой страны и даже инородные имена[26].

[21] Ibid. P. 259.

[22] *Loyn H. R.* Anglo-Saxon England and the Norman Conquest. P. 316–319.

[23] *Williams A.* The English and the Norman Conquest. London 1997. P. 24–44.

[24] См.: *Шервуд Е. А.* От англосаксов к англичанам: К проблеме формирования английского народа. М., 1988.

[25] *Williams A.* The English and the Norman Conquest. P. 96.

[26] *Fleming R.* Kings and Lords in Conquest England. Cambridge, 1991. P. 132, 143–144.

Если вновь вернуться к рассуждениям Э. Уильямс, то можно согласиться с ней в том, что при дворе потомков Вильгельма Завоевателя англосаксов было совсем немного. Максимум, что они могли делать, это выполнять малозначительные секретарские функции. Но на местах они пользовались властью и уважением в качестве шерифов или их помощников, что давало им возможность обзавестись манорами и повысить свой социальный статус[27].

И последнее важное замечание Э. Уильямс касается будущего сосуществования потомков англосаксов и нормандцев. Лишь покорившись воле сильнейшего, англосаксы могли выжить в новом государстве. Но со временем процесс этнической консолидации наметился как со стороны нормандцев, так и со стороны саксов. Это проявилось в установлении единого набора традиций и обычаев, которые были как не английского, так и не французского происхождения, но родились в совместной жизни тех и других[28].

Одной из последних работ, детально рассматривающих проблему континуитета/дисконтинуитета в ходе и в результате Нормандского завоевания, является монография Н. Хайема «Смерть англосаксонской Англии», трактующая завоевание с точки зрения смены этно-политических элит и династического кризиса. По его словам, из прежней, англосаксонской, политической верхушки к моменту завоевания остались в живых в основном духовные лица, и им, вероятно, правление нормандцев виделось неким подобием правления датской династии: Кнут, сместив практически всех могущественных представителей светской знати, церковных иерархов не тронул, даже, напротив, покровительствовал им, желая утвердить себя в роли христианского короля. Признание претендента, изначально не удовлетворявшего ни одному из условий, необходимых для получения короны — Вильгельм не принадлежал к королевскому роду, он не был назван как наследник предыдущим королем, не имел сторонников среди местных магнатов и не пользовался поддержкой высших церковных лиц — стало закономерным результатом кризиса, начало которому положили Эдуард Исповедник и Гарольд своей непродуманной династической политикой[29].

Итак, представляется, что проблема преемственности и разрыва в изучении Нормандского завоевания рассматривается в современной англо-американской медиевистике в многообразных содержательных плоскостях. Положительным моментом такого подхода, несомненно, является то, что исследователи отнюдь не ограничиваются анализом только лишь социально-экономических или политических его последствий и попыткой подсчитать, каков был процент англосаксонского в новом, англо-нормандском, социуме. Примечательно и то, что в последнее время в рассмотренных трудах англоязычных историков появляются и принципиально новые темы, связанные прежде всего с изучением институциональных,

[27] *Williams A.* The English and the Norman Conquest. P. 125.

[28] Ibid. P. 187.

[29] *Higham N.J.* The Death of Anglo-Saxon England. Stroud, 1997. P. 178 ff.

этно-социальных и ментальных процессов, сопровождавших наступление англо-нормандской эпохи. Обращает на себя внимание и тот факт, что при всей разноголосице в оценке континуитета/дисконтинуитета в развитии раннесредневековой Англии существует относительное единство в понимании социально-политических итогов Нормандского завоевания: большинство англо-американских исследователей придерживаются мнения, что оно привело к смене политической элиты в стране с выдвижением на первые позиции нормандской знати.

Иначе обстоит дело с пониманием в новейшей англоязычной литературе Нормандского завоевания в его более отдаленных последствиях. Здесь исследователям Великобритании и США удалось добиться заметных успехов, основой которых, на наш взгляд, стало постепенное преодоление так называемой теории «феодальной революции» и постепенный переход англо-американских историков на позиции типологического подхода к рассмотрению специфики формирования и развития английского феодализма. Отказ от признания северофранцузской феодальной модели в качестве некоего эталона эволюции феодальных отношений позволил современным англо-американским медиевистам более результативно по сравнению с историографией 30–40-х гг. XX столетия подойти к решению вопросов, связанных с характером изменений в социально-экономической сфере Англии во второй половине XI в. При этом одновременно повысился интерес историков к проблемам эволюции служилого землевладения в раннюю англо-нормандскую эпоху, вокруг которых, впрочем, продолжается оживленная научная полемика.

Если историков предшествующего периода по большей части интересовали эволюция социально-экономических и политических структур, то в настоящее время к ним добавилось пристальное изучение институциональных, этнических, ментальных, языковых изменений в ходе завоевания и сразу после его завершения. При этом англо-американские медиевисты широко используют в своих построениях и выводах достижения смежных с историей наук, а также такие новые исследовательские методики, как текстология, гендерный подход, история повседневности и т.д.

References

Anglo-Saxonism and the Construction of Social Identity. Gainesville (Fla), 1997.

Barlow F. The Norman Conquest and Beyond. London, 1983.

Fleming R. Kings and Lords in Conquest England. Cambridge, 1991.

Freeman E. A. The History of the Norman conquest of England, its Causes and its Results. Oxford, 1867–1876. Vol. I–VI.

Higham N. J. The Death of Anglo-Saxon England. Stroud, 1997.

Loyn H. R. Anglo-Saxon England and the Norman Conquest. London, 1970.

Loyn H. R. The Governance of Anglo-Saxon England, 500–1087. London, 1984.

Otter M. 1066: the Moment of Transition in Two Narratives of the Norman Conquest // Speculum. 1999. Vol. 74. N 3. P. 565–586.

Ridyard S. Condigna Veneratio: Post-conquest Attitudes to the Saints of the Anglo-Saxons // Anglo-Norman Studies. Cambridge, 1987. Vol. 9. P. 179–206.

Round J. H. Feudal England. London, 1895.

Rubenstein J. Liturgy against History: the Competing Visions of Lanfrank and Eadmer of Canterbury // Speculum. 1999. Vol. 74. N 2. P. 279–309.

Sawyer P. H. From Roman Britain to Norman England. London, 1978.

Šervud E. A. Ot anglosaksov k angličanam: K probleme formirovaniâ anglijskogo naroda. M., 1988.

Stenton F. M. Anglo-Saxon England. 3d ed. Oxford, 1971.

Whitelock D. The Anglo-Saxon Achievement // The Norman Conquest: Its Setting and Impact / Ed. by C. T. Chavalier. London, 1966. P. 13–43.

Williams A. The English and the Norman Conquest. London, 1997.